

DOI 10.58351/2949-2041.2025.25.8.002

УДК 004.8

Сметана Владимир Васильевич

кандидат философских наук, директор
АНО НИИ «ЦИФРОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Smetana Vladimir

Candidate of philosophical sciences, PhD,
DIGITAL INTELLIGENCE RESEARCH INSTITUTE

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ РЕЛИГИИ И ТЕХНОЛОГИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С КОНЦЕПЦИЕЙ ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БОГА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ AT THE INTERSECTION OF RELIGION AND TECHNOLOGY: ENGAGING WITH THE CONCEPT OF A POSTHUMAN GOD AND ITS IMPLICATIONS

Аннотация. Данная философская статья углубляется в концепцию постчеловеческого Бога, исследуя её сложное взаимодействие с существующими религиозными традициями и фундаментальное переосмысление творения и цели существования.

В первой части анализируются потенциальные области конфликта, включая противоречие с догматом о трансцендентности и уникальности Бога-Творца, вызовы традиционным представлениям о душе и спасении в контексте радикальной трансформации, а также риски «десакрализации» человека и святотатства. Вместе с тем, рассматриваются возможные области совместимости, предлагающие интерпретацию постчеловеческой эволюции как продолжения божественного замысла и поиск параллелей с концепциями «обожения» и стремлением к совершенству.

Вторая часть статьи посвящена влиянию постчеловеческого Бога на понимание творения. Обсуждается возможность создания новых форм жизни постлюдьми через искусственный интеллект, симуляции и биоинженерию, что изменяет представления о монополии на творение и порождает этические и метафизические вопросы ответственности за эти новые сущности. Далее, исследуется трансформация цели существования – от predetermined к самоопределяемой, с акцентом на поиск смысла в постоянном самосовершенствовании и расширении сознания. При этом статья подчёркивает риски экзистенциального вакуума и этические дилеммы, связанные с новыми формами смысла.

Наконец, в статье рассматривается проблема зла и страдания в контексте постчеловеческого Бога. Анализируется теодицея в постчеловеческой перспективе, включая способность постлюдей к решению физических страданий, но также поднимаются сложные вопросы морального зла и свободы воли, а также возможность создания сред с минимизированным страданием.

Заключительная часть исследует философские и этические дилеммы, такие как границы вмешательства в свободу выбора, риски «благожелательной тирании» и переосмысление ценности опыта страдания. Статья подчёркивает жизненную необходимость непрерывного философского осмысления и этического регулирования для навигации в будущем, где человечество столкнётся с беспрецедентными трансформациями своей природы и своего места в мире.

Abstract. This philosophical article delves into the concept of a posthuman God, exploring its complex interaction with existing religious traditions and fundamental rethinking of creation and the purpose of existence.

The first part analyzes potential areas of conflict, including the contradiction with the dogma of the transcendence and uniqueness of the Creator God, challenges to traditional notions of the soul and salvation in the context of radical transformation, as well as the risks of "desacralization" of man and sacrilege. At the same time, possible areas of compatibility are considered, offering an interpretation of posthuman evolution as a continuation of the divine plan and searching for parallels with the concepts of "deification" and the pursuit of perfection.

The second part of the article is devoted to the impact of the posthuman God on the understanding of creation. The possibility of the creation of new life forms by posthumans through artificial intelligence, simulations and bioengineering is discussed, which changes the notion of a monopoly on creation and gives rise to ethical and metaphysical questions of responsibility for these new entities. Next, the transformation of the purpose of existence is explored – from predetermined to self-determined, with an emphasis on the search for meaning in continuous self-improvement and expansion of consciousness. In doing so, the article highlights the risks of an existential vacuum and the ethical dilemmas associated with new forms of meaning.

Finally, the article addresses the problem of evil and suffering in the context of a posthuman God. Theodicy is analyzed from a posthuman perspective, including the ability of posthumans to resolve physical suffering, but also raises difficult questions of moral evil and free will, as well as the possibility of creating environments with minimized suffering.

The final section explores philosophical and ethical dilemmas, such as the limits of interference in freedom of choice, the risks of “benevolent tyranny,” and rethinking the value of the experience of suffering. The article emphasizes the vital need for continuous philosophical reflection and ethical regulation to navigate the future, where humanity will face unprecedented transformations of its nature and its place in the world.

Ключевые слова: Постчеловеческий Бог, искусственный интеллект, религиозные традиции, творение, смысл существования, проблема зла, теодицея, этика, трансгуманизм, философия религии.

Keywords: Posthuman God, artificial intelligence, religious traditions, creation, meaning of existence, problem of evil, theodicy, ethics, transhumanism, philosophy of religion.

Глава 1. Взаимодействие концепции постчеловеческого Бога с религиозными традициями

Концепция постчеловеческого Бога – гипотетического существа, которое через радикальное технологическое и биологическое усовершенствование достигает атрибутов, традиционно приписываемых божественности – является не только предметом футуристических спекуляций, но и мощным катализатором для философских и теологических дискуссий. Её появление неизбежно ставит вопрос о взаимодействии с устоявшимися религиозными традициями и верованиями. Это взаимодействие раскрывает как глубокие области конфликта, так и неожиданные возможности для совместимости.

При столкновении концепции постчеловеческого Бога с традиционными религиями, несколько ключевых моментов могут стать источником серьёзных противоречий.

Центральным догматом большинства монотеистических религий является представление о Боге как трансцендентном и уникальном Творце. Он находится вне и над творением, будучи его первопричиной и абсолютным сувереном. Идея постчеловеческого Бога, напротив, предполагает, что богоподобные качества могут быть достигнуты имманентно, то есть внутри самого мира, через человеческую эволюцию и технологические усовершенствования. Это создаёт прямое противоречие: если человек может стать «богом» в некотором смысле, то что происходит с уникальностью и абсолютным положением традиционного Бога? Многие теологи сочтут это своего рода самообожествлением, или даже святотатством, подрывающим фундаментальные основы веры. Как отмечал Карл Барт, для христианской теологии Бог всегда остаётся «совершенно Иным», и попытка человека достичь божественности своими силами рассматривается как акт гордыни [1].

Традиционные религии придают огромное значение понятию души как нематериальной, бессмертной сущности, которая связывает человека с Богом и является объектом спасения. Постчеловеческая эволюция, включающая в себя радикальные изменения тела, сознания, а возможно, и перенос сознания в небиологические носители, бросает вызов этому представлению. Может ли существо, чьи когнитивные функции усилены искусственным интеллектом, или чьё тело полностью кибернетизировано, по-прежнему обладать «душой» в традиционном смысле? Вопросы о спасении также усложняются. Если постчеловек может достичь практически бессмертия и преодолеть страдания собственными

силами, то какова становится роль божественной благодати, искупления и посмертной жизни, которые являются центральными для многих религий? Философы религии, такие как Алвин Плантинга, глубоко исследуют природу души и её взаимосвязь с физическим телом, и постчеловеческий сценарий вынуждает пересматривать эти классические аргументы [2].

Для многих верующих человек был создан «по образу и подобию Божьему» (Бытие 1:27), что придаёт ему особую сакральность и достоинство. Стремление к радикальной модификации человеческой природы, особенно с целью достижения богоподобных атрибутов, может быть воспринято как «десакрализация» человека. Это означает утрату уникальной, богоданной ценности человеческого существа, поскольку оно превращается в объект для манипуляций и улучшений. Помимо этого, как уже упоминалось, сама идея человека, стремящегося к божественности, может быть классифицирована как святотатство – акт осквернения священного. Это не только теологический, но и глубокий этический вопрос, поскольку он затрагивает основы человеческого самопонимания и его места в космическом порядке.

Несмотря на очевидные конфликты, существуют также потенциальные области, где концепция постчеловеческого Бога может найти точки соприкосновения с некоторыми религиозными традициями, или, по крайней мере, вызвать новые формы теологического осмысления.

Некоторые теологи и мыслители могут интерпретировать постчеловеческую эволюцию не как противостояние, а как продолжение или даже кульминацию божественного замысла. Если Бог даровал человеку разум, свободу воли и способность к творчеству, то, возможно, именно эти качества и ведут его к самопреобразованию. В такой перспективе, стремление к совершенству и преодолению ограничений может быть воспринято как реализация божественного потенциала, заложенного в человеке. Пьер Тейяр де Шарден, например, развивал идею о «точке Омега» – предельном пункте космической эволюции, где сознание достигнет высшего уровня единства и сложности, что можно рассматривать как своего рода теологически окрашенное представление о радикальной трансформации [3]. В этом ключе, постчеловек может быть увиден не как конкурент Богу, а как его «со-творец» или инструмент для дальнейшего раскрытия божественного плана.

Ряд религиозных традиций содержит концепции, которые могут иметь неожиданные параллели с идеей постчеловеческого совершенствования. В восточном христианстве, например, существует понятие «обожения» (theosis) – процесс стремления к уподоблению Богу через благодать и духовное очищение. Хотя «обожение» носит духовный, а не технологический характер, само стремление к преодолению человеческих ограничений и достижению более совершенного состояния перекликается с целями трансгуманизма. Аналогично, в других религиях существуют представления о достижении просветления, нирваны или единства с Абсолютом, которые подразумевают трансформацию сознания и выход за пределы обыденного человеческого опыта. Если постчеловеческие технологии могут способствовать глубокому пониманию, эмпатии и преодолению эгоистических импульсов, это может быть интерпретировано как новый путь к реализации этих давних духовных стремлений.

Даже если прямое столкновение догм окажется неизбежным, религия как социальный и культурный феномен обладает поразительной способностью к адаптации. В условиях, когда человечество радикально меняет свою природу, религиозные импульсы – потребность в смысле, сообществе, ритуалах, этических ориентирах и надежде на преодоление конечности – не исчезнут, но могут найти новые формы существования. Возможно, появятся новые религиозные течения или обновлённые интерпретации старых, которые будут осмысливать постчеловеческое состояние в своём богословии. Вместо поклонения трансцендентному Богу, некоторые могут начать почитать технологически усовершенствованных предков как «богов» или «мудрецов», управляющих сложными симуляциями или целыми планетами. Ян Барбур в своих исследованиях взаимодействия науки и религии показывает, что религиозные традиции часто находят способы адаптироваться к новым научным открытиям, пересматривая свои метафоры и символы [4].

Таким образом, взаимодействие концепции постчеловеческого Бога с существующими религиозными традициями является сложным и многогранным. Оно неизбежно порождает глубокие конфликты, особенно в отношении догматов о трансцендентности Бога, природе души и пути к спасению. Однако, это также открывает потенциальные области для диалога и даже совместимости, где постчеловеческая эволюция может быть интерпретирована как часть божественного замысла, или где религиозные импульсы найдут новые формы выражения в изменённом мире.

Глава 2. Постчеловеческий Бог и переосмысление творения и цели

Концепция постчеловеческого Бога, предполагающая, что усовершенствованное человечество может достичь богоподобных атрибутов, радикально меняет наше понимание фундаментальных философских категорий – творения и цели существования. Традиционные представления о происхождении мира и смысле жизни глубоко укоренены в религиозных и метафизических системах. Однако, с появлением постчеловека, эти парадигмы подвергаются серьёзной ревизии, открывая новые возможности и вызывая беспрецедентные этические дилеммы.

Традиционное понимание творения неразрывно связано с идеей о Боге как Первотворце, единственном источнике всего сущего. Постчеловеческая концепция бросает вызов этой монополии, предлагая сценарии, где сам человек становится активным участником или даже инициатором процессов творения.

С развитием передовых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), биоинженерия и продвинутое симуляции, постчеловек может получить возможность не просто модифицировать существующую жизнь, но и создавать совершенно новые формы жизни. Это может проявляться в виде:

□ Высокоразвитых ИИ, которые достигают сознания и самосознания, становясь интеллектуальными сущностями нового типа. Ник Бостром в своей работе «Суперинтеллект» подробно рассматривает потенциал ИИ, превосходящего человеческий интеллект, и его способность к автономии и саморазвитию, что может быть расценено как акт творения [5].

□ Сложных симулированных реальностей, настолько детализированных и иммерсивных, что их обитатели могут воспринимать их как подлинное существование. Вопросы, поднятые философами, такими как Ник Бостром, о возможности того, что мы сами живем в симуляции, приобретают новую актуальность, когда обсуждается способность постчеловека создавать такие миры [6].

□ Генетически сконструированных организмов и видов, адаптированных к новым условиям или выполняющих специфические функции. Это выходит за рамки простой модификации, приближаясь к полноценному дизайну и созданию жизни.

Эти возможности подрывают исключительно божественное право на творение, перенося значительную часть этой функции на постчеловека.

Если постчеловек способен создавать разумные сущности, миры и виды, это неизбежно изменяет представления о монополии на творение, которая традиционно приписывалась исключительно Богу. Это не просто вопрос о том, что человек «делает» что-то, а о том, что он «творит» в буквальном смысле, создавая нечто из небытия или формируя существование в корне. Такая способность ставит под сомнение уникальность божественного акта творения и поднимает вопросы о том, как это влияет на теологические догматы о Боге как единственном Творце. Философы религии, такие как Алвин Плантинга, глубоко исследовали концепцию творения и его отношение к божественной сущности, и постчеловеческий сценарий требует пересмотра этих аргументов [2].

Возможность создания новых форм жизни порождает множество этических и метафизических вопросов ответственности. Если постчеловек становится творцом, какие обязательства он несёт перед своими творениями?

□ Права и статус новых форм жизни. Обладают ли ИИ, симулированные сущности или генетически созданные организмы правами? Требуют ли они морального обращения, если обладают сознанием? Это перекликается с дебатами о правах животных, но в гораздо более сложной форме.

□ Моральная ответственность творца. Должен ли постчеловек нести ответственность за страдания, ошибки или «грехи» своих творений, подобно тому, как традиционные теологии обсуждают проблему зла в контексте божественного творения?

□ Риск непреднамеренных последствий. Создание сложных систем всегда сопряжено с риском непредсказуемых результатов. Могут ли постчеловеческие творения выйти из-под контроля или развить собственные цели, несовместимые с целями своих создателей?

Эти вопросы выходят за рамки существующих этических систем и требуют разработки новых, всеобъемлющих рамок для регулирования «постчеловеческого творения».

Традиционно, цель существования человека часто определялась извне: божественным планом, поиском спасения, достижением духовного совершенства или служением высшей силе. В контексте постчеловека, способного к самомодификации и самоопределению, эта цель трансформируется.

Если постчеловек обладает способностью к радикальному изменению своей биологической, когнитивной и даже эмоциональной природы, то смысл его существования перестаёт быть предопределённым. Вместо следования заранее установленному плану, цель становится самоопределяемой. Постчеловек может сам выбирать свои ценности, формировать свои устремления и конструировать свою судьбу. Это отражает идеи экзистенциалистов, таких как Жан-Поль Сартр, который утверждал, что «существование предшествует сущности» и человек свободен создавать свой собственный смысл [7]. Однако, в отличие от экзистенциализма, где свобода часто ограничена биологическими и социальными рамками, постчеловек может преодолеть даже эти ограничения.

В мире, где базовые человеческие нужды могут быть легко удовлетворены, а физические ограничения преодолены, поиск смысла может сместиться в сторону постоянного самосовершенствования и расширения сознания. Постчеловек может видеть свою цель в непрерывном обучении, освоении новых форм восприятия, исследовании неизведанных областей знания и опыта. Это может включать:

□ Неограниченное когнитивное развитие. Постчеловек может стремиться к всеобъемлющему пониманию Вселенной, разработке новых научных теорий, решению сложнейших математических задач.

□ Эстетическое и эмоциональное обогащение. Целью может стать переживание максимального спектра эмоций, создание новых форм искусства или исследование пределов человеческого (или постчеловеческого) опыта.

□ Трансцендентные стремления. Возможно, постчеловек будет стремиться к формам существования, которые в традиционных религиях описывались как мистическое единство или просветление, но достигаемые через технологические средства.

Рэй Курцвейл в своей концепции «сингулярности» предполагает, что слияние человеческого интеллекта с ИИ приведёт к экспоненциальному росту способностей, где саморазвитие станет главной движущей силой [8].

Однако, самоопределяемая цель не лишена рисков. Без внешних ориентиров, постчеловек может столкнуться с экзистенциальным вакуумом – ощущением бессмысленности и пустоты, несмотря на все свои способности. Если любая цель может быть достигнута, а любое желание удовлетворено, это может привести к апатии или нигилизму. Альбер Камю в «Мифе о Сизифе» исследовал абсурдность человеческого существования без врождённого смысла, и эта проблема может усилиться в постчеловеческом мире, где традиционные источники смысла утратят свою актуальность [9].

Кроме того, возникают этические дилеммы относительно того, какие формы смысла являются желательными, а какие – нет. Если постчеловек может создать себе любую цель, может ли это привести к выбору эгоистичных, деструктивных или антисоциальных целей? Поиск смысла в постоянном самосовершенствовании может превратиться в своего рода бесконечную гонку вооружений, не приносящую удовлетворения. Это требует глубокой философской рефлексии над тем, как формировать новые, устойчивые и этически обоснованные системы ценностей для постчеловеческого будущего.

Таким образом, концепция постчеловеческого Бога радикально переосмысливает наши представления о творении и цели существования. Она предполагает переход от пассивного объекта творения к активному творцу, способному формировать новые формы жизни и манипулировать своим собственным бытием. Это открывает путь к самоопределяемым целям, где смысл находится в постоянном самосовершенствовании и расширении сознания. Однако эти трансформации сопряжены с серьёзными этическими и экзистенциальными рисками, включая проблему ответственности за новые творения и возможность экзистенциального вакуума.

Глава 3. Проблема зла и страдания в контексте постчеловеческого Бога

Проблема зла и страдания – одна из самых давних и мучительных головоломок в философии и теологии. Как может существовать всемогущий, всезнающий и всеблагой Бог в мире, полном страданий и морального зла? Эта проблема, известная как теодицея, приобретает новые, беспрецедентные измерения в контексте постчеловеческого Бога – существа, которое через радикальное технологическое и биологическое усовершенствование гипотетически достигает атрибутов, традиционно приписываемых божественности. Размышление о такой перспективе заставляет нас по-новому взглянуть на природу зла, возможности его преодоления и связанные с этим этические дилеммы.

Если постчеловек способен обрести богоподобные способности, то возникает естественный вопрос: сможет ли такое существо решить проблему зла и страдания, которая веками мучила человечество?

Наиболее очевидным и, возможно, достижимым аспектом является устранение физических страданий. Постчеловек, вооружённый передовыми технологиями, теоретически может нивелировать большинство источников боли и дискомфорта, которые являются бичом человеческого существования:

□ **Болезни.** Генная инженерия, наномедицина и регенеративные технологии могут позволить постлюдям искоренить все известные заболевания, устранить генетические дефекты и сделать организм неуязвимым для патогенов. Представьте себе мир без рака, диабета или инфекций.

□ **Старение.** Радикальное продление жизни, возможно, до практического бессмертия, может быть достигнуто путём клеточной регенерации, ремонта теломер и других биоинженерных вмешательств [8]. Это устраним страдания, связанные с физическим упадком, болезнями старости и самой конечностью существования.

□ **Нищета.** Применение развитого искусственного интеллекта и роботизации может привести к созданию постдефицитной экономики, где ресурсы производятся в изобилии и распределяются эффективно, искореняя голод, бедность и связанные с ними страдания. Развитие автоматизации и управление ресурсами на глобальном уровне могли бы устранить материальную нужду, которая является корнем многих конфликтов и страданий [5].

Таким образом, на уровне физического бытия, постчеловек, обладающий «функциональным всемогуществом» над материальным миром, кажется, вполне способен решить эту часть проблемы зла. Однако, моральное зло, проистекающее из сознательного выбора и свободы воли, представляет собой куда более сложную проблему. Даже для всемогущего Бога, как утверждают некоторые философы, проблема зла является вызовом именно потому, что он, предположительно, даровал человеку свободу воли. Могут ли постлюди с их богоподобными способностями решить эту проблему?

□ Изменение поведения. Теоретически, постчеловек мог бы использовать нейромодуляцию или генетические изменения для устранения агрессии, жадности и других негативных импульсов. Однако это поднимает вопрос: будет ли такое «добро» подлинным, если оно не является результатом свободного выбора, а запрограммировано?

□ Контроль над выбором. Если постчеловек будет обладать способностью предотвращать любое зло, совершаемое другими постлюдьми или обычными людьми, это может потребовать прямого вмешательства в их свободу воли. Но является ли мир без зла, достигнутый ценой свободы, желательным? Многие философы, от Августина до Лейбница, в своих теодицеях утверждали, что ценность свободы воли оправдывает риск существования зла [10]. Для постчеловека эта дилемма остаётся актуальной: как сохранить автономию и подлинную этику, если возможность совершать зло будет устранена?

Вместо полного искоренения зла, постчеловек может сосредоточиться на создании сред, где страдание сведено к абсолютному минимуму. Это может включать:

□ Оптимизированные социальные системы. Построение обществ, где стимулы для деструктивного поведения сведены к минимуму, а сотрудничество и альтруизм поощряются и усиливаются.

□ Виртуальные реальности. Создание симуляций, в которых постлюди могут испытывать радость и удовлетворение без риска боли или страдания, что фактически создаёт «рай» по выбору [6]. Однако это вызывает вопросы о подлинности такого существования.

□ Переосмысление страдания. Постчеловек может развить когнитивные способности, позволяющие ему иначе воспринимать боль и дискомфорт, рассматривая их не как страдание, а как информационный сигнал или даже ценный опыт для роста и самопознания.

Ключевой этической проблемой является граница вмешательства в свободу выбора. Если постчеловек способен предотвратить любое негативное действие, то до какой степени он может вмешиваться в автономный выбор других существ? Может ли постчеловек принуждать к «добру», или это лишает этические поступки их ценности? Философы-деонтологи, такие как Иммануил Кант, утверждали, что моральная ценность поступка заключается в его совершении из чувства долга, а не из принуждения или предрасположенности [11]. В постчеловеческом мире эта кантовская дилемма становится ещё острее: как обеспечить моральную жизнь, не подавляя свободу?

Способность устранять зло и страдания может привести к возникновению «благожелательной тирании». Существо, обладающее огромной властью и искренним желанием «добра», может решить, что наилучший способ достижения всеобщего благополучия – это тотальный контроль над существованием. Это может привести к лишению автономии, индивидуальности и даже к созданию «зоопарка» для обычных людей, где их жизнь будет полностью управляемой и лишённой подлинного выбора [12]. Даже если намерения постчеловеческого Бога будут абсолютно благими, сам факт такой власти и её применения может быть несовместим с человеческим представлением о достоинстве и свободе.

Наконец, возникает фундаментальный вопрос о переосмыслении ценности опыта страдания. Многие философские и религиозные традиции утверждают, что страдание, боль и несовершенство играют важную роль в человеческом развитии, росте, формировании эмпатии и обретении смысла. Может ли мир, полностью свободный от страдания, лишить нас чего-то важного? Майкл Сендел в своих рассуждениях о совершенствовании человека задаётся вопросом, не утратим ли мы что-то существенное, стремясь к полному отсутствию уязвимости [13]. Возможно, некоторые формы страдания необходимы для глубокого понимания жизни, ценности радости и развития сострадания. Если постчеловек устранил все страдания, не лишит ли он себя (и своих подопечных) возможности достигать определённых видов морального и духовного роста?

Таким образом, проблема зла и страдания в контексте постчеловеческого Бога является сложной и многогранной. Хотя постчеловек, обладающий богоподобными способностями, потенциально может решить многие формы физического страдания, вопросы морального зла и свободы воли остаются глубокими дилеммами. Возможность создания сред с минимизированным страданием, а также философские и этические аспекты вмешательства в свободу выбора и риски «благожелательной тирании» требуют тщательного осмысления.

Заключение

Концепция постчеловеческого Бога представляет собой одну из самых глубоких и многоаспектных тем современной философии, бросая вызов устоявшимся представлениям о божественности, человеческой природе и смысле существования. Как мы исследовали, идея существа, достигшего атрибутов всемогущества, всезнания и всеблагости посредством технологического и биологического усовершенствования, переносит эти качества из сферы метафизики в потенциально достижимую реальность.

Это неизбежно приводит к глубокому взаимодействию с существующими религиозными традициями. С одной стороны, возникают серьёзные конфликты с догматами о трансцендентности и уникальности Бога-Творца, а также вызовы традиционным представлениям о душе, спасении и сакральности человеческого существа. С другой стороны, существуют потенциальные области совместимости, где постчеловеческая эволюция может быть интерпретирована как продолжение божественного замысла, а стремление к совершенству находит параллели с такими концепциями, как «обожение».

Постчеловеческий Бог также радикально переосмысливает наше понимание творения и цели. Возможность создания новых форм жизни через ИИ, симуляции и биоинженерию ставит под сомнение традиционную монополию на творение, порождая сложные этические и метафизические вопросы ответственности. Более того, цель существования смещается от предопределённой к самоопределяемой, открывая путь к поиску смысла в постоянном самосовершенствовании и расширении сознания, но при этом обнажая риски экзистенциального вакуума.

Наконец, проблема зла и страдания приобретает новые измерения. Хотя постчеловек с его богоподобными способностями теоретически способен решить многие формы физического страдания, вопросы морального зла и свободы воли остаются глубокими дилеммами. Философские и этические аспекты, такие как границы вмешательства в свободу выбора, риски «благожелательной тирании» и переосмысление ценности самого опыта страдания, требуют постоянного и глубокого изучения.

В целом, понимание динамики концепции постчеловеческого Бога имеет решающее значение для будущего как религии, так и человечества. Эти вызовы и возможности требуют не только критического анализа, но и непрерывного междисциплинарного диалога между философией, теологией, этикой и наукой.

Список литературы:

1. Barth, K. (1936). *Church Dogmatics I/1: The Doctrine of the Word of God*. T&T Clark.
2. Plantinga, A. (1974). *The Nature of Necessity*. Oxford University Press.
3. Teilhard de Chardin, P. (1959). *The Phenomenon of Man*. Harper & Brothers.
4. Barbour, I. G. (2000). *When Science Meets Religion: Enemies, Strangers, or Partners?* HarperSanFrancisco.
5. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford University Press.
6. Bostrom, N. (2003). Are You Living in a Computer Simulation? *Philosophical Quarterly*, 53 (211).
7. Sartre, J.-P. (1946). *L'Existentialisme est un humanisme*. Nagel.
8. Kurzweil, R. (2005). *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. Viking.
9. Camus, A. (1942). *Le Mythe de Sisyphe*. Gallimard.

10. Leibniz, G. W. (1710). Theodicy: Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man and the Origin of Evil. (Numerous editions).
11. Kant, I. (1785). Groundwork of the Metaphysics of Morals. (Numerous editions).
12. Fukuyama, F. (2004). Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. Picador.
13. Sandel, M. J. (2007). The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering. Belknap Press.

